

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЧЕНКО

ЦИТАДЕЛЬ БРЕСЛАВ

**ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Андрей Вячеславович Васильченко Цитадель Бреслау. Последняя битва Великой Отечественной Серия «Освобождение Европы»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8945023

*Андрей Васильченко. Цитадель Бреслау. Последняя битва Великой
Отечественной: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-1023-2*

Аннотация

Города Бреслау больше нет. По итогам Войны он отошел к Польше и теперь называется Вроцлав. Именно Бреслау, а не Берлин стал последней цитаделью гитлеровского зверя. Восемьдесят дней осажденный гарнизон и бойцы Фольксштурма оказывали отчаянное сопротивление Красной Армии, сковывая действия 13 советских дивизий. Гитлер даже назначил гауляйтера Бреслау Карла Ханке последним рейхсфюрером СС. Непокорный город, оказавшийся в глубоком советском тылу, капитулировал лишь 6 мая 1945 года, уже после самоубийства фюрера и падения Берлина. Советские историки не любили вспоминать это последнее сражение. Но нельзя забыть подвиг советских солдат, которые смогли блокировать и принудить к капитуляции самую неприступную крепость Третьего Рейха. Известный историк

Андрей Васильченко представляет самое полное исследование падения Бреслау.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Красный рассвет	10
Глава 2. Как становятся крепостями	24
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Васильченко
Цитадель Бреслау.
Последняя битва
Великой Отечественной

© Васильченко А., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Введение

Некоторым из отечественных историков и любителей истории известно, что силезская столица – город Бреслау (нынешнее польское название – Вроцлав¹) – в течение несколько месяцев осаждалась советскими войсками и капитулировала только в мае 1945 года. Впрочем, широкая публика вряд ли знает о существовании подобного «немецкого Ленинграда». Ей так же вряд ли известно, что за время осады в этом городе погибла большая часть из 250 тысяч мирных жителей, тех самых жителей, которые, опасаясь неизвестности и тягот эвакуации, предпочли остаться в родном городе. И уж почти никому не известно, что остановить кровопролитие в этом крупном немецком городе удалось благодаря рискованным переговорам, которые вели представители евангелической и католической общин, невзирая на угрозу со стороны гестапо. Сам факт таких переговоров мог закончиться для многих христианских священников весьма плачевно. Предложение о капитуляции даже в 1945 году продолжало рассматриваться как поражение, что, в свою очередь, приравнивалось к государственной измене. Но именно этот рискованный шаг позволил сохранить жизнь многим жителям.

Сама же длительная осада этого силезского города в

¹ Далее по тексту будет применяться исключительно немецкое название города.

немецкой историографии получила наименование «чуда Бреслау», что уже само по себе указывает на уникальность подобных событий. О «чуде Бреслау» стали писать уже в 50-60-ые годы. Достаточно упомянуть использованные при написании данной работы мемуары комендантов фон Альфена и Нихофа «Так сражался Бреслау», художественный роман Хуго Хартунга «Небо под ногами» и его опубликованные дневниковые записи, заметки Пауля Пайкерта «Крепость Бреслау в записях священника» и, конечно же, подробное описание жизни осажденного города, которые было дано очевидцем и активным участником этих событий, священником Эрнстом Хорнигом. Это покажется странным, но участники тех событий были более сдержанны в своих суждениях, нежели более поздние исследователи данной проблемы. В конце 70-х-начале 80-х годов к Бреслау вновь проявляется интерес. Но данная заинтересованность носит откровенно политический характер. Польские исследователи пытаются доказать правомочность своих притязаний на Силезию (Тереза Созаньска, Рычард Майески, «Битва за Бреслау»), а немецкие исследователи переходят на откровенные националистические позиции, пытаясь сосредоточиться на зверствах, творимых Красной Армией, а в особенности поляками (серия публикаций в журнале «Ландзер»). Изданная много позже работа Франца Куровски «Последний бастион Гитлера» и вовсе уделяет Бреслау всего лишь несколько страниц. Автор, как бы опасаясь обвинений в предвзятости,

явно не хочет замечать «чуда». Впрочем, весь этот разнородный материал является отличным фундаментом для того, чтобы написать работу, посвященную малоизученному в отечественной науке сюжету – осаде Бреслау.

Сам по себе Бреслау был очень древним поселением. Во времена господства «варваров» в Европе в районе Бреслау располагался крупный перевалочный пункт, где пересекались торговые пути, идущие с востока (продукты и сырье) и с запада (украшения и готовые металлические изделия). Позже здесь стали пересекаться торговые пути, которые вели от Балтийского моря через Вену в Венецию. Здесь шла оживленная торговля янтарем. Здесь также оседала часть пушнины, которая направлялась из России к берегам Рейна. В 10 веке Бреслау (уже резиденция епископа) с примыкавшими к нему территориями вплоть до Одера, перешел под контроль Богемии. За эти земли развернулась нешуточная борьба. В итоге контроль над ними перешел к силезской ветви Пястов², которые породнились с немецкими князьями. В 1241 году вся округа была уничтожена во время набега монголов. Новое основание города было тесно связано с немецкими переселенцами из Франконии, Тюрингии и Нижнего Рейна. В 1526 году Силезия вместе с Богемией перешла под контроль империи Габсбургов. Но в свете того, что династия Пястов заглохла, на Силезию свои права предъявил прусский король Фридрих II. В итоге разразились так называемые силезские

² Пясты (Piasty) – польская княжеская и королевская династия.

войны, которые Фридрих II Прусский вел против Марии-Терезии и ее союзников. Первая Силезская война длилась с 1740 по 1742 год. После битв при Мольвице и Хотузице она привела Фридриха к власти почти над всей Силезией. Вторая Силезская война была начата Фридрихом два года спустя вследствие угрожающего поведения Австрии, Англии и Голландии. Она закончилась подтверждением прав Пруссии на Силезию. Третья Силезская война по сути была частью Семилетней войны. В 1762 году Фридрих окончательно вытеснил австрийцев из Силезии, одержав над ними несколько побед. 15 февраля 1763 года в Губертусбурге на условиях *status quo* был заключен мирный договор. В итоге в составе Пруссии возникло новое графство Глац. Австрия сохранила контроль лишь над юго-восточной частью Силезии, которая стало именоваться графством Тешен со столицей в одноименном городе. В XIX веке Бреслау становится одним из крупнейших городов в Восточной Германии. Если говорить о времени нацистской диктатуры, то по состоянию на 1939 год в нем проживало 630 тысяч человек. С началом Второй мировой войны город не только не уменьшился, но, наоборот, увеличил свою численность. Это было связано в первую очередь с тем, что сюда, в Бреслау с западных окраин Германии перемещались многие военно-значимые промышленные предприятия. В итоге численность населения Бреслау превысила миллион человек.

Глава 1. Красный рассвет

Фронт группы армий «А», которой позже вернули старое наименование – группа армий «Центр», к началу 1945 года проходил по территории Польши, начиная от Бескид³ вплоть до районов, примыкающих к северу к Варшаве. Линия фронта, проходившая по территории нынешней Польши, стабилизировалась осенью 1944 года после стремительного советского наступления, начатого в июне того же года. Эта советская лавина вошла в историю под названием операции «Багратион». Немецкий генералитет видел, что стратегическое положение советских войск, а именно, три плацдарма, расположенные к западу от Вислы, угрожали обороне таких городов как Баранов, Пулавы и Магнушев. Но гораздо больше немецкий генералитет беспокоило значительное численное преимущество Красной Армии: 11-кратное – в пехоте, 7-кратное – в танках и просто неисчислимо в различных видах артиллерии. После войны один из участников этих событий писал:

«Не исключено, что Красная Армия для запугивания немецких войск громогласно заявила, что она начнет наступление с артиллерийской подготовки, когда на один километр

³ Бескиды – возвышенный район Малых Карпат.

фронта будет приходиться по 250 орудий. Но сведения о подобных грандиозных батареях не были ни дезинформацией, ни пропагандистским ходом, а сущей правдой!»

Ожидаемое в начале 1945 года Верховным командованием сухопутных войск Германии крупное советское наступление началось 12 января. Незадолго до этого, где-то в середине декабря 1944 года, Гудериан предложил перебросить часть войск с Западного фронта на Восточный, а также сформировать сильную резервную армию, которая бы располагалась между Лодзью и Гогензальцем. Гитлер отказался осуществить этот план. Его больше волновали военные события в Венгрии, где Красная Армия штурмовала Будапешт. События на юго-востоке Европы интересовали фюрера, так как он полагал, что главной стратегической задачей Германии было сохранение контроля над нефтяными районами Венгрии.

Как уже говорилось выше, группа армий «А» была вынуждена перебросить в венгерский регион огромное количество своих частей. В этих условиях начальник штаба группы армий генерал-лейтенант Ксиландер вместе со штабными офицерами и командирами частей провел штабные учения. Уже в декабре 1944 года в военных росла озабоченность возможностью противостояния крупному советскому наступлению. Предполагаемая сила и направления ударов Красной Армии основывались на данных, которые поставляла разведка в течение последних месяцев. При этом собственную «оборону»

немецкие офицеры строили в строгом соответствии с имеющимися в их распоряжении частями. В ходе этого штабного учения, которое длилось по одним сведениям восемь, а по другим сведениям двенадцать часов, был сделан потрясающий вывод. В ходе генерального наступления советские войска широким фронтом могли за какие-то шесть дней приблизиться к границам Силезии. В данных условиях единственной реальной задачей для штаба группы армий «А» могла быть организация обороны, чтобы хоть как-то воспрепятствовать продвижению частей Красной Армии в направлении Ратибора и Глогау⁴.

Таким образом, проведенное учение показало, что имеющихся в распоряжении группы армий «А» сил (ни на фронте, ни в резервах) явно не хватало для того, чтобы помешать советским войскам выйти к силезским границам. Так как из документов группы армий «А» следовало, что ее командование не рассчитывало на пополнение резервов, то вполне логичным является то, что немецкие военные стали искать другой путь предотвращения военной катастрофы, нежели оборонительные бои. Исходя из имеющихся данных, генерал Ксиландер стал готовить проект операции «Катание на санных». В основных чертах данный проект выглядел следующим образом. Не самая сильная группировка Красной Армии, располагавшаяся к югу от Вислы, должна была атаковать участок фронта по реке Дануец. Целью данного наступ-

⁴ Нынешнее польское название – Глогув.

ления виделся охват с двух сторон города Тарнов⁵. Подобная операция советских войск позволила бы провести крупную наступательную операцию на южном фланге у изгиба Вислы. Далее предполагалось, что с плацдарма в Баранове части 4-го Украинского фронта, которым командовал маршал Конев, при значительном перевесе в танках и артиллерии прорвут немецкую оборону и начнут стремительное движение в направлении Одера, захватывая Ратибор и Бреслау. Закрепившись в данных районах, советские войска, по мнению немецкого генерала, должны были использовать эти плацдармы для дальнейшего разворачивания наступления.

При всем этом у немецких офицеров не вызвало сомнения, что связь с частями Вермахта, которые располагались по течению Вислы к северу от Баранова, будет моментально утрачена.

Далее предполагалось, что войска под командованием маршала Жукова, находившиеся на северном Висленском плацдарме под Магнушевым, будут развивать наступление в направлении Литцманштадта (Лодзи) и Познани. Результатом данной операции должен был стать выход к Одеру и блокирование с двух сторон Франкфурта-на-Одере. Это позволило бы создать Красной Армии очень выгодный плацдарм, открывавший путь на Берлин. Связь между двумя этими крупными стратегическими прорывами в линии немецкой обороны должна была поддерживать более скромная по сво-

⁵ Польское название – Тарнув.

им силам группировка, которая, как предполагалось, должна была двигаться в направлении Радома с плацдарма под Пулавами. Именно эта войсковая группа позволяла бы оперативно координировать действия Жукова и Конева.

Прорыву немецких позиций должна была предшествовать внезапная и ураганная артиллерийская подготовка, которая в первые же часы должна была смести значительную часть находившихся в обороне немецких войск. Данные разведки, предоставленные в штаб группы армий «А», не оставляли Ксиландеру сомнений – многократное превосходство Красной Армии в артиллерии в любом случае обеспечивало прорыв линии обороны. В случае длительного обстрела немецкие войска были бы просто-напросто уничтожены без вступления в бой. Минимальное количество резервов, которыми располагала группа армий «А», не смогло бы позволить остановить советское танковое наступление в Польше даже у естественных преград вроде рек Пилица и Варта.

Ксиландер предполагал вывести из-под ураганного обстрела немецкие части, что позволило бы не только значительно сократить количество потерь, но и предоставляло возможность навязать советским войскам, резко продвинувшимся вперед, серию оборонительных боев, в которых бы Красная Армия временно не смогла использовать свое преимущество в артиллерии. Кроме этого предполагалось, что утомленные марш-броском советские войска не будут хозяевами положения. Они не сами будут выбирать время и ме-

сто для сражений. С тактической точки зрения это могло стать преимуществом для немцев, которые могли принуждать принимать бой, когда они занимали более выгодные позиции. При этом особое внимание уделялось расширению района боевых действий, что могло расщепить танковые кулаки Красной Армии, лишив их, хотя бы отчасти, своей прежней пробивной способности. Поскольку для решения данной задачи окрестности Вислы никак не подходили, так как у Красной Армии там было три выигрышных плацдарма, то было решено, что для навязывания боев идеально сгодился бы район бывшей немецко-польской границы. Предполагалось, что значительно превосходившие по численности советские войска увязнут в нем в серии небольших боев, и в итоге советское генеральное наступление заглохнет и остановится. Как видим, у группы армий «А» был один-единственный шанс, который давал хоть мизерную, но все-таки возможность перехвата стратегической инициативы. Но для этого, повторяю, надо было вывести немецкие войска из-под огня советской артиллерии, что означало хорошо подготовленное отступление. Только так немцы смогли бы более-менее успешно использовать свои крошечные резервы. Но отступление должно было начаться в сроки, максимально близкие к началу советского генерального наступления. Если бы отступление стартовало слишком рано, то в штабах Красной Армии могли понять, что замысел был раскрыт. В данной ситуации советские войска могли бы в любой мо-

мент провести перегруппировку. Идеально для отхода от линии фронта немецких войск подходили две ночи, предшествующие советскому наступлению. Но в данной ситуации единственной проблемой было установить точную дату начала операции. Командование группы армий «А» полагалось на данные разведки, считая их предельно точными. В итоге замысел был отчасти оправдан. Красная Армия должна была обрушить артиллерийский огонь на пустые позиции или территории, удерживаемые весьма незначительными воинскими группами. Но это не исключало риска, что артиллерийский огонь при раннем распознавании замысла немцев мог быть перенесен с передовой части фронта в оперативный тыл, в места, где продолжали находиться склады боеприпасов. Более того, своевременное распознавание немецкого маневра могло обернуться стремительным броском советских танков.

Чтобы избежать этих опасностей, немецкий отход с передовой должен был быть лишь первым актом, за которым должна была последовать мощная контратака. Только так немецкая группировка в Силезии могла сохранить боевую инициативу. В штабе группы армий полагали, что когда советскому командованию станет известно, что артиллерийская подготовка не достигла своих целей, то наступление будет сворачиваться, а наступающие части Красной Армии будут продвигаться вперед более осторожно, так сказать, на ощупь.

Расчет немцев был прост: Недостаток в боевой технике и живой силе предполагалось компенсировать контратакой всеми имеющимися в распоряжении войсками, которые должны были быть направлены на уничтожение «наконечников» советских клиньев, нацеленных вглубь немецких позиций. В итоге было принято решение, что все имеющиеся резервы и большинство пехоты надо было бросить на полное уничтожение одного из советских клиньев, в то время как на других направлениях наступающие части Красной Армии должны были увязнуть в боях. Немцы должны были выбрать новые позиции для обороны, которые были хотя бы временно недоступны для советской артиллерии. После уничтожения одного из клиньев предполагалось перебросить опять же все имеющиеся силы на уничтожение другого.

В итоге командование группы армий «А» выработало следующий оперативный план. Немецкие части уклонялись от боев с идущими в прорыв советскими частями, давая оборонительные сражения лишь на новых позициях, которые находились близ Губертусбурга. Затем группа армий «А» силами всех имеющих резервов и танковой техники должна была атаковать советские части, наступающие с плацдарма у Магнушева, взять в их клещи и уничтожить. Данная наступательная операция должна была осуществляться силами 9-й армии при поддержке XXIV и XL танковых корпусов.

Кроме собственно боевых действий важную часть плана, разработанного Ксиландером, составляла эвакуация ве-

домств 4-й танковой армии и южного крыла 9-й армии, а также значительной части гражданских учреждений польского «генерал-губернаторства» за линию Краков-Пилца-Лодзь.

К Рождеству 1944 года, то есть к 24 декабря, подробно разработанный план операции «Катание на санях» был представлен Верховному командованию сухопутных сил Германии, которое в целом его одобрило, но, решив подстраховаться, передало его на согласование в Верховное командование Вермахта. В Верховном командовании Вермахта, которое было более политизировано, получить одобрение этого плана было гораздо сложнее.

В ожидании одобрения плана в прифронтовой зоне части группы армий «А» стали готовиться к оставлению занимаемых территорий и отходу в оперативный тыл. В очередной раз делались все расчеты, проверялась готовность к отходу на позиции к Губертусбургу, где уже готовились оборонительные укрепления. Тем временем немецкая разведка смогла добыть сведения о том, что зимнее генеральное наступление Красной Армии начнется либо 11, либо 12 января. В соответствии с этой датой принимались конкретные меры для начала тактического отхода.

Позже один из офицеров штаба группы армий «А» будет вспоминать:

«В начале января мы осуществили часть запланирован-

ных мероприятий по дезинформации противника в районе барановского плацдарма. Враг не должен был раскрыть наших замыслов. Но сохранить секретность было очень сложно, так как в этом регионе участились случаи появления советских самолетов-разведчиков».

А тем временем начальник генерального штаба сухопутных сил Гудериан делал все возможное, чтобы спасти Восточный фронт от катастрофы. Он пытался переубедить догматически настроенного Гитлера. Предложения Гудериана сводились, по сути, к одному пункту – надо как можно быстрее было перебросить с Западного на Восточный фронт в район Одера полностью укомплектованную 6-ую танковую армию СС. Он поддерживал план операции «Катание на санях» и всячески противился безумию, которое задумал Гитлер в Венгрии⁶. По мере осуществления данных мер Гудериан был готов устранить угрозу, нависшую над Восточной Пруссией. Затем можно было деблокировать «крепость» Курляндия. Новое генеральное наступление на Восточном фронте можно было начинать на этом плацдарме, куда войска перебрасывались бы по морю.

Но все попытки изменить мнение Гитлера были тщетными. Все осталось на своих местах. Он и слышать не хотел даже о тактическом отступлении. В итоге было запрещено

⁶ В Венгрии планировалось осуществить деблокирование Будапешта, для чего туда перебрасывались огромные силы.

осуществлять операцию «Катание на санях».

12 января 1945 года, как и рассчитывала немецкая разведка, началось генеральное наступление Красной Армии. Как и предполагал Ксиландер, советская артиллерийская подготовка в буквальном смысле слова смела все передовые части Вермахта. Тысячи солдат погибли, даже не вступив в бой! 20 января, то есть 8 дней спустя после начала наступления, передовые танковые части Красной Армии подошли к границе Силезии. Положение становилось критическим. Ксиландер как автор проекта операции «Катание на санях» сказал одному из своих сотрудников:

«Если нам удастся перехватить стремительное русское наступление на рубеже А-1 или хотя бы у силезской границы, то можно говорить, что наша миссия выполнена. Большого вряд ли можно будет достичь. В данном случае промышленность Верхней Силезии продолжит свою работу, снабжая нашу армию, которая выкинет врага с немецкой земли. Благодаря этому высшее руководство рейха сможет выиграть время и превратит нынешнюю военную ситуацию в политический акт».

Другой немецкий офицер вспоминал, что Ксиландер был ответственным и дальновидным военным деятелем, который следовал словам Мольтке о том, что «стратегия является системой поддержек». Но словам Ксиландера не было сужде-

но сбыться. Гитлеровская стратегия оказалась губительной для Германии. Сам Ксиландер погиб 14 февраля во время перелета в Дрезден. В те дни некогда цветущий Бреслау уже являл собой сплошные развалины.

Как видим, еще до начала зимнего наступления 1945 года отдельные представители немецкого командования разрабатывали планы, которые бы позволили избежать катастрофы. Но этим планам не было суждено сбыться, так как против них решительно выступил сам Гитлер.

Наступление частей 4-го Украинского фронта, которым командовал маршал Конев, стартовало с Сандомерского плацдарма (в немецкой литературе он обозначается как Барановский плацдарм). Наступление было настолько мощным, что части 4-й танковой армии почти моментально были уничтожены. В силу того, что оперативные резервы на этом участке располагались слишком близко к линии фронта, они были уничтожены вместе с танковыми подразделениями. Многие из них так и не вступили в бой, поскольку были сметены во время ураганной артиллерийской подготовки. Как предполагали немецкие штабисты, уже 18 января 1945 года части Красной Армии приблизились к границам Силезии. На следующий день они вступили на территорию Верхней Силезии, единственный на тот момент исправно работающий индустриально-промышленный район Германии.

20 января советские войска заняли Крейцбург⁷ и Розен-

⁷ Районный центр в Верхней Силезии, по состоянию на 1937 года – 12800 жи-

бург⁸. 1 февраля части Красной Армии вступили в промышленный район, до этого фактически не тронутый воздушными налетами и бомбардировками. Русские войска продвинулись вплоть до линии Бейтен⁹, Глейвиц¹⁰, Альт-Козель. Советские войска быстро достигли округов Бреслау Бриг¹¹ и Штайнау¹². Именно отсюда в первые дни февраля началось окружение Бреслау. Немецкие войска не смогли противостоять ему. 15 февраля 1945 года кольцо окружения вокруг Бреслау было замкнуто.

Немецкая линия обороны рухнула почти в одночасье, когда части Красной Армии начали свое зимнее генеральное наступление. Уже после войны немецкие генералы, словно оправдываясь, говорили о том, что делали все возможное, чтобы предотвратить катастрофу. Они возлагали вину за крушение фронта на Гитлера. Отчасти они были правы – именно Гитлер лишил группу армий «А» всех резервов и большей части танков техники, перебросив их под Буда-

телей. Польское название – Ключборк.

⁸ Районный центр в Верхней Силезии. По состоянию на 1937 года – 6100 жителей. Польское название – Олесно.

⁹ Верхний Бейтен, город в Верхней Силезии, 51 тысяча жителей; центр верхнесилезской горной и металлургической промышленности, каменноугольные копи, цинковые, и свинцовые руды.

¹⁰ Глейвиц – 52 тысячи жителей. Центр верхне-силезской горной и металлообрабатывающей промышленности, машиностроения и стекольной промышленности.

¹¹ 38500 жителей, польское название – Брцег.

¹² 5100 жителей, польское название – Сцинава.

пешт, которому он уделял гораздо большее внимание, нежели территории Силезии, откуда открывались врата на Берлин. Отсутствие оперативных резервов и слишком тонкая линия обороны, по мнению немецких военных, привели к тому, что столица Нижней Силезии, город Бреслау, слишком рано оказался втянут в водоворот военных действий.

Глава 2. Как становятся крепостями

После того, как в ходе летнего наступления 1944 года Красная Армия продвинулась вплоть до Карпат и Средней Вислы, она оказалась фактически у ворот Варшавы и границ Восточной Пруссии. Именно в это время Гитлер отдает приказ об осуществлении плана по строительству целого ряда оборонных укреплений. В августе 1944 года множество городов «немецкого Востока» провозглашаются «крепостями». Был среди них и Бреслау.

По сути, Бреслау никогда не был крепостью как таковой. Единственными реальными военными укреплениями в нем были воздвигнутые еще во времена наполеоновских войн бастионы. Более ста лет Бреслау никто не воспринимал как военный объект и уж тем более как крепость. Однако с началом Первой мировой войны в 1914 году силезскую столицу в срочном порядке «армировали», то есть оснастили быстровозводимыми оборонными укреплениями. В городе были также сформированы запасы продовольствия, которые могли использоваться в случае осады. Эти военные строения, которые получили наименование «пехотных сооружений», И-Верков (I-Werke), сохранились вплоть до Второй мировой войны. Они представляли собой укрепления, возведен-

ные из не самого качественного бетона. В принципе, И-Верки могли защитить от пуль и осколков снарядов небольшого калибра, но отнюдь не от тяжелой артиллерии. Их можно было использовать в качестве командных пунктов, а также как укрытие от непогоды. Но ни в 1914, ни позже, в 1944 году в городе не возводилось реальных крепостных сооружений. Всего же в Бреслау было двенадцать пехотных построек. Пять из них располагались на северных рубежах чуть к югу от запруженных пастбищ, еще два – на юго-востоке, и пять – на юго-западе и западе. Во времена Веймарской республики, когда царил Версальский диктат, весьма существенно ограничивавший возможности развития армейского дела, рейхсверу удалось под видом дамб, защищающих город от наводнений и разливов Одера, соорудить некие железобетонные сооружения, которые больше напоминали бункеры, оснащенные пулеметными гнездами. Но реальная боевая ценность всех этих укреплений была ничтожной. А потому нельзя говорить о Бреслау как о «классической крепости». Его провозглашение таковой в 1944 году было в большей степени символическим жестом, который указывал на исключительную значимость этого города. Действительно, Бреслау был не только сердцем Силезии, но и крупным транспортным узлом, который располагался всего лишь в каких-то 300 километрах от плацдарма в Баранове, откуда могла начать (и начала) свое наступление Красная Армия. Так что появление Бреслау-крепости было всего лишь подтверждением се-

рьезности военного положения, сложившегося на Востоке.

Что требовалось для того, чтобы Бреслау из «открытого города», каковым он был до войны, превратился в «крепость»? Можно привести лишь только короткий перечень того, что приличествовало иметь крепости. Это комендант крепости со своим собственным штабом, это крепостные войска и отдельный от них крепостной гарнизон. Это крепостные орудия, отдельный узел телефонной и телеграфной связи, хотя бы подобие аэродрома, что позволяло бы снабжать крепость по воздуху¹³. Это склады с огромным количеством самых различных запасов: боеприпасов, оружия, амуниции, горючего, лекарств и перевязочных материалов, продовольствия. Ну и, конечно же, крепость – это бастионы.

Этот огромный список необходимых условий для возникновения «реальной» крепости начал претворяться в жизнь с огромнейшим запозданием. Первый комендант крепости генерал-майор Краузе не очень-то спешил с «крепостными работами». Да и комендантом он был назначен с огромной задержкой. Напомню, что Бреслау был провозглашен крепостью в августе, а комендант у крепости появился только 25 сентября. Но куда хуже пустой траты времени было неясное положение в городе коменданта крепости и его штаба. Свой действительный статус они обрели лишь в феврале

¹³ Появление первой крепости – Демянска, под которой в 1942 году в советское окружение попала крупная немецкая группировка, неразрывно связано с существованием «воздушного моста».

1945 года, когда красноармейцы уже брали штурмом пригороды Бреслау.

Когда летом 1944 года Гитлер подписал приказ, в котором Бреслау, как и несколько других городов, провозглашался «крепостью», судя по всему, никто не воспринял это распоряжение фюрера всерьез. Даже партийные чиновники посчитали его просто красивым жестом. Об этом говорит хотя бы тот факт, что за несколько месяцев с момента провозглашения Бреслау «крепостью» никто ничего не сделал для усиления его обороноспособности. Никто не помышлял готовиться к обороне города. В результате располагавшаяся к югу от города высокая дамба, по которой пролегали четыре железнодорожные колеи, оказалась незащищенной. Сама же эта постройка находилась в весьма невыгодном для обороны города месте. Но гауляйтер Ханке¹⁴ даже не думал что-то ис-

¹⁴ Карл Август Ханке родился 24 августа 1903 года в городке Лаубане, который находился в правительственном районе Лигнитц провинции Нижняя Силезия. Отец Ханке работал на железной дороге инженером локомотивов, и семья хотя и была не богатой, но не бедствовала. У Ханке был младший брат – он погиб во время Второй мировой войны. Четыре года Карл посещал народную школу в Лаубане, а в 1914-м поступил в гимназию. 7 августа 1920 года Ханке поступил в рейхсвер «временным добровольцем». Проходить службу его направили в 19-й пехотный полк, дислоцированный близ Франкфурта-на-Одере. Уволившись из армии в августе 1921 года, Ханке поступил в Немецкую мукомольную школу в Дипполисвальде и после ее окончания в 1923 году год проработал в железнодорожном депо родного Лаубана и на мукомольном производстве. После этого он на протяжении трех лет работал управляющим на различных мельницах в Силезии, Баварии и в Тироле. В 1920-х годах Ханке примкнул к национал-социалистическому движению, но пока речь шла только о политических симпатиях

правлять в данной ситуации. Он в качестве Имперского комиссара по вопросам обороны предпочел дать старт для помпезной акции «Бартольд», в ходе которой противотанковые рвы и укрепления возводились едва ли не в районе бывшей немецко-польской границы. В итоге они оказались изрядно удалены от города. Как показала практика, все эти приготовления оказались бессмысленной тратой времени. Использовать эти укрепления во время осады города не было никакой возможности. Эрих Шёнфельдер, офицер, принимавший участие в обороне Бреслау, вспоминал по этому поводу:

«План превращения Бреслау в крепость предусматривал наличие внешнего и внутреннего кольца. Внешнее кольцо обороны должно было быть протяженностью в 120 километров. На этом рубеже позиции должны были занять пять дивизий. Он должен был тянуться от Требница, через Бингерау, Пойке, Фюнфтайхен, деревню Мерц, Ротзюрбен, Кант, пересекать Одер и заканчиваться у того же Требница. Строительство этого рубежа было чисто партийным проектом».

молодого человека. В 1928 году Ханке окончил курсы при Педагогическом институте (Berufspädagogischen Institut) в Берлине и получил право преподавать в реальном училище (по обучению все тому же мукомольному делу). В том же году он поступил на работу в училище в Берлине-Штеглице в качестве мастера по мукомольному делу. В том же году началась и его партийная карьера. 1 ноября 1928 года он вступил в НСДАП, получил билет № 102 606, а в 1929 году – в СА (до 1931 года он числился в резерве СА).

Даже если бы этот оборонительный рубеж был вовремя построен, то сам собой напрашивается вопрос: могли ли вовремя на нем закрепиться в случае возникновения реальной угрозы со стороны Красной Армии пять немецких дивизий? Ответ на него дало стремительное советское наступление, которое поставило крест не только на возведении внешнего оборонительного рубежа, но и на всех планах обороны города.

С самого начала своей деятельности штаб крепости должен был выполнять функции штаба дивизии, а возможно, даже более крупного воинского соединения. Но требования генерала Краузе создать специальный штаб корпуса, а также самостоятельный штаб крепостных саперов, которому бы подчинялись силы, возводящие «крепость», не были выполнены.

Собственно коменданту крепости непосредственно подчинялись только гарнизонный батальон и пехотный батальон 599, которые были укомплектованы старыми и большими людьми. В течение осени 1944 года командование армии приложило немало усилий, чтобы сформировать полноценный крепостной гарнизон, подчиняющийся непосредственно коменданту. В Бреслау были сформированы шесть крепостных артиллерийских батарей и по одной роте связи и саперов. Крепостные батареи по большому счету не были армейскими частями, они состояли из фольксштурмистов, которые прошли двухнедельные подготовительные

курсы. На их вооружении стояли в основном трофейные орудия: французские, советские, югославские, польские. Часть из них была лишена приборов оптического наведения и таблиц стрельбы, которые после окружения города можно было доставить только по воздушному мосту. Для вооружения подразделений Фольксштурма имелось совсем немного запасов. В целом формирование крепостных подразделений постоянно сталкивалось с огромными материальными трудностями.

В целом создаваемые части очень сложно было назвать классическом «гарнизоне крепости». Кроме этого, генерал Краузе не был наделен полномочиями использовать соединения сухопутных сил, Ваффен-СС и Люфтваффе для пополнения гарнизона. Они подчинялись ему только в вопросах внутреннего порядка на время пребывания в Бреслау, что никак не относилось к боевому использованию.

В самом городе складывалась странная ситуация. В «крепости» не было ни крепостных сооружений, ни крепостных орудий, но в изобилии было военных госпиталей и медицинского персонала. С сентября 1944 года по конец января 1945 года Бреслау ничем не напоминал крепость. Генерал фон Альфен, ставший следующим комендантом крепости, писал в своих мемуарах:

«Никак не мог избавиться от ощущения, что отданный в августе 1944 года Верховным командованием приказ здесь, равно как и во многих других местах, не был воспринят все-

рьез. А как иначе можно объяснить упущения, основные из которых я перечислю ниже: отсутствие главного штаба, который бы прямо с августа 1944 года занимался превращением Бреслау в крепость; недостаточный уровень организации крепостных войск; недостаточное вооружение и плохое снабжение боеприпасами; упущение возможности снабжения города по воздуху на случай осады».

Кроме этого, не уделялось внимания тому, чтобы саперы вовремя начали осуществление технических мероприятий, выполнение которых позволило бы Бреслау справиться со своими задачами в роли крепости. На указанный момент командование армии даже не навело справки о том, как осуществлялась оборона крупных городов во время Второй мировой войны. Хотя казалось само собой разумеющимся найти грамотного артиллериста и сапера, связиста и офицера, сведущего в проблемах снабжения по воздуху, дабы те не только основательно изучить все прилегающие к городу территории, но и за картами выработать бы несколько вариантов возможного развития событий. Собственно квартирмейстер – полковник Хауэншильд – был назначен только после многочисленных требований и просьб генерала Краузе. Однако в ноябре 1944 года по выслуге лет (полковник был весьма преклонного возраста) он был освобожден от этой должности. На некоторое время в Бреслау никто не занимался вопросами поставок и снабжения. Новый квартирмейстер – мо-

лодой майор – появился в Бреслау лишь в январе 1945 года. Он тут же активно приступил в работе, но время было упущено, город со дня на день должен был погрузиться в хаос. В любом случае, отсутствие четкого военного руководства заранее снижало шансы Бреслау на военный успех. Возможно, высшее командование было успокоено тем, что оборону Силезии должны были осуществлять солдаты, в основном мобилизованные из состава местного населения. Однако в самом Бреслау ограниченные права коменданта крепости привели к тому, что солдаты не проходили должной подготовки, с ними даже не проводились тактические занятия на местности. В романе Хартунга «Небо под ногами» весьма красочно показано, что Бреслау, который не был на самом деле никакой крепостью, оборонялся солдатами Вермахта, которые по большому счету не были солдатами. В нем в одном из эпизодов описывается, что мобилизованные жители не получили никакой подготовки.

Кроме немногих слабых оборонительных сооружений, которые имелись в Бреслау еще накануне войны, в городе не было никакой военной инфраструктуры. По этой причине надо было предварительно создавать линию обороны. Основные ее контуры были намечены еще в конце августа – начале сентября 1944 года, то есть накануне прибытия генерала Краузе. Проблема Бреслау заключалась еще в том, что в ряде вопросов не было единоначалия. Так, например, Бреслау, как все «восточные крепости», с тактической точки

зрения подчинялся генерал-полковнику Штраусу, чей штаб располагался во Франкфурте-на-Одере. Но при этом в вопросах снабжения войска, располагавшиеся в окрестностях города, должны были подчиняться командованию 8-го военного округа. Для обороны Бреслау было предусмотрено пять дивизий, три из которых должны были располагаться на восточном, а остальные две – на западном берегу Одера.

Как уже говорилось выше, создание оборонительных сооружений началось очень поздно. Да и сам факт начала их возведения был во многом связан с инспекционной поездкой генерал-полковника Гудериана в крепость Глогау. Там имелись старые крепостные сооружения, возведенные еще в XIX веке, но, в отличие от Бреслау, в Глогау ставка была сделана на расширение так называемого «внутреннего кольца». Его несомненное тактическое преимущество состояло в том, что оно могло удерживаться даже незначительными боевыми силами. Однако для сооружения линии обороны протяженностью почти в 120 километров в Бреслау не было сил. Кроме этого, на этом протяженном участке должны были действовать всего лишь пять дивизий. Нельзя списывать со счетов негативное влияние, которое оказывал местный гауляйтер. Однако к его голосу как Имперского комиссара по вопросам обороны не имели права не прислушиваться. В итоге в январе 1945 года все имеющиеся в распоряжении силы были брошены на создание «внутреннего кольца» в Бреслау. В спешном порядке удалось создать некоторое подобие оборо-

нительных сооружений.

Но не стоило забывать о том, что в спешке при создании «внутреннего кольца» было допущено множество просчетов. С юга и юго-востока Бреслау окружала мощная железнодорожная дамба. Начальник штаба строительных работ «Юг» капитан Эбергардт Зейферт еще осенью 1944 года предложил использовать это техническое сооружение для обустройства складов боеприпасов и помещений, которые могли потребоваться войскам. Данное решение было недальновидно отклонено. Во-первых, армейские чины ссылались на недостаток нужных для этого специалистов. Во-вторых, против этого решения выступило руководство Имперской железной дороги (рейхсбана), которое намеревалось использовать проходившие по дамбе железнодорожные пути как запасные ветки, которые могли пригодиться в случае активных воздушных налетов на вокзалы Бреслау. Причину того, что подобные странные сомнения не были тут же устранены, нужно искать в том, что саперные части не имели грамотного командира, а штаб крепости не был полностью укомплектован. Шахтеры верхнесилезского региона являлись достаточной силой, способной сделать в дамбе несколько капитальных укреплений, которые без какого-либо вреда для железной дороги могли использоваться во время боев за «внутреннее кольцо».

Если «внешнее кольцо» обороны оставалось наполовину законченным, то оно все равно не было бесполезным. Эти

сооружения использовались немецкими частями много позже для своих вылазок, которые длились до весны 1945 года.

12 января 1945 года началось советское наступление. Поскольку Вермахт не имел ни малейшей возможности его остановить, то были предприняты две меры, которые имели для Бреслау исключительное значение. Это были поспешное приведение гарнизона крепости в боеготовность и организация обороны к востоку от Одера и по обе стороны от Бреслау, а также срочная эвакуация населения.

Относительно эвакуации гражданских жителей города генерал Краузе еще в декабре сделал несколько предложений, которые так и не были осуществлены. Он писал:

«К концу 1944 года население Бреслау составляет около 1 миллиона человек. Также в данный регион были перемещены многие промышленные предприятия, так как он рассматривался как своего рода бомбоубежище Великогерманского рейха. После провозглашения Бреслау крепостью в его гражданском секторе стали проводиться мобилизационные мероприятия. Их осуществление в декабре 1944 года контролировалось специальной комиссией, присланной из Берлина. Комендант крепости также принимал участие в ее деятельности. На бумаге подготовка была образцовой. Для эвакуации гражданского населения ежедневно должно было предоставляться более сотни железнодорожных составов. Но комендант высказал сомнения относительно возможно-

стей Бреслау принять одновременно столь большое количество поездов. Поэтому он предложил гауляйтеру заблаговременно эвакуировать приблизительно 200 тысяч стариков, детей, молодых матерей и беременных женщин. Выслушав предложение, гауляйтер ответил: «И куда я должен направляться с этими людьми? Фюрер попросит меня застрелиться, если сейчас, в условиях затишья, я прибуду к нему с такими делами»».

Приказ об эвакуации был отдан лишь 19 января, то есть восемь дней спустя после начала советского наступления. Подобная поспешность привела к огромным трудностям и жертвам, которых при хорошей организации можно было избежать.

Поначалу военные события развивались не слишком стремительно. Но среди гражданского населения уже множились самые различные слухи. Вечером 18 января жители Бреслау слышали сирену. Город фактически не бомбили до этого. Бреслау подвергался бомбардировке лишь в октябре и декабре 1944 года. Последняя воздушная тревога пришлась как раз на Рождество. Тогда святящиеся всеми огнями рождественские елки стояли прямо на улицах под открытым небом. Для летчиков это было прекрасной целью. Поразительно, но даже в конце 1944 года в Бреслау никто не думал соблюдать светомаскировку. На город полетели бомбы. Одна из них разорвалась в восточном крыле больницы «Бета-

нин»¹⁵, располагавшейся на Клостер-штрассе. От взрыва никто не погиб. Жертвами стали около тысячи окон, которые разбились от мощного разрыва бомбы. Евангелическое учреждение «Бетанин» располагалось на узкой полоске земли, пролежавшей между Клостер-штрассе и речушкой Оле, которая в Бреслау впадала в Одер. Это был крупный комплекс, который включал в себя современную больницу, дом престарелых и церковь. В «Бетанине» трудился большой коллектив сестер милосердия. Он являлся центром благотворительной работы, которая проводилась по всей Силезии.

18 января священник Лёффлер с сорока сестрами посетил Лодзь (Литцманнштадт), где побывал в тамошней обители диаконис¹⁶, после чего продолжил поездку в Грюнберг. 20 января по линии «Бетанина» по всей округе стали распространяться сообщения о том, что женщины и дети должны были в срочном порядке покинуть Бреслау. В спешке родители забирали из «Бетанина» своих детей, которые учились в тамошней школе. Внезапный приказ об эвакуации поверг жителей город в состояние глубокого шока. В этом не было ничего удивительного, ведь до этого момента все репортажи и сообщения в газетах умалчивали о серьезности положения. Если говорилось о возможной угрозе, то ее размеры существенно преуменьшались. Ко всему этому добавлялось то,

¹⁵ Бетанин – традиционное название для немецких клиник, которое означает концентрированный свекольный сок (E162).

¹⁶ Евангелические сестры милосердия.

что многие родители в жуткой спешке попытались забрать своих детей, которых до этого в целях безопасности отправили на село. Столкнулись два потока. С одной стороны это были беженцы с Востока, с другой – люди, которые хотели найти своих детей. В одночасье на дорогах возник хаос. Уличное движение стало напоминать бурлящий поток. Многие из родителей, так и не достигнув своей цели, озлобленные и разочарованные, были вынуждены повернуть назад. Количество разъединенных семей с каждым часом становилось все больше и больше. Многочисленные матери искали своих детей. Молодежь посылалась на выполнение задач, поставленных в рамках операции «Бартольд». Мужчин мобилизовали в отряды Фольксштурма. Многие бросали свои квартиры, пытались скрыться из города.

Как уже говорилось выше, город фактически не подвергался воздушным налетам. Октябрьская бомбардировка унесла жизни всего лишь 69 людей. Принимая во внимание положение на фронте, военное командование предложило еще в декабре 1944 года экстренно эвакуировать из города женщин и детей. Ответственным за выполнение данной задачи должен был быть аппарат гауляйтера. Но в ответ на данное предложение гауляйтер Пауль Ханке заявил, что решительно выступает против срочной эвакуации. Осуществление данного замысла, по его мнению, «способствовало бы росту пораженческих настроений среди населения». Вот когда проявилась пагубность двойного правления – партийных и ар-

мейских структур! До этого момента оно напоминало симбиоз, безобидное сосуществование. Но в критической ситуации подобное двоевластие обернулось огромной бедой. Только лишь когда танковые колонны Красной Армии достигли границ Верхней и Нижней Силезии, гауляйтер Ханке буквально в последний момент отдал приказ о проведении экстренной эвакуации. Это произошло 19 января 1945 года. Поначалу это касалось только жителей сельских районов, располагавшихся на правом (восточном) берегу Одера. На следующий день было принято решение, что приказ относится к женщинам и детям, проживающим в Бреслау.

20 января 1945 года первые колонны беженцев, двигавшиеся с востока, достигли Бреслау. На 20-градусном морозе под пронзительным холодным ветром они переправлялись через Одер. Старики, женщины и дети, нагруженные своими пожитками, медленно двигались на запад. Кто-то из них хотел укрыться в Силезских горах, кто-то намеревался найти убежище в Саксонии или Тюрингии. В эти дни испуганные жители Бреслау могли видеть странную картину – длиннющие колонны беженцев, где вместо лошадей повозки тащили старики и подростки. Посреди этих повозок то тут, то там мелькали автомобили, в которых сидели облаченные в коричневую униформу партийные функционеры. Наблюдавшие это зрелище гнали прочь от себя страшные мысли. Многие понимали, что беженцы были обречены на страдания от холода и голода, так как им негде было бы поселиться. У бежен-

цев из силезских сел не было даже запасов продовольствия. Женщины Бреслау с ужасом перестали дышать, когда 20 января услышали экстренное радиобращение. На следующий день оно с редкостной настойчивостью повторялось из всех динамиков, висевших на улицах города:

«Внимание! Внимание! Женщины с детьми должны направляться пешком по одной из улиц района Опперау в направлении Канта! Местом итогового сбора являются южные пригороды».

Почти моментально на всех вокзалах возник хаос и неразбериха. Это было вызвано тем, что многие женщины последовали прозвучавшему призыву. Посреди холодной ночи они направлялись в путь с чемоданами и детскими колясками (если дети были маленькими). Нередко коляски заменяли санками – на улицах Бреслау лежал глубокий снег. После нескольких часов утомительного марша многие из них пытались найти теплое помещение и хоть какое-то подобие кухни, чтобы согреть еду для малышей. Но почти все эти попытки были тщетными. Чтобы передвигаться быстрее, многие из матерей выбрасывали свое добро, упакованное в сумки и рюкзаки. Но не всем это помогало. Многих ожидала трагедия – к утру многие малыши умерли от холода. Хоронить их приходилось рядом с дорогой. Только в районе Нового рынка на Рыночной площади было похоронено около 40 де-

тей. Только за первую ночь бегства из Бреслау в районе южного парка выросло 50 свежих детских могил. Подобных трагических примеров можно было бы привести еще очень много. Смерть этих детей находилась на совести гауляйтера Ханке, который не прислушался к совету генерала Краузе и своевременно не начал эвакуацию жителей города. Печальные вести о массовой гибели детей стали быстро распространяться по городу. Эти сообщения окончательно утвердили жителей Бреслау в намерении остаться у себя дома. Они не хотели рисковать и спастись бегством по морозу и без продуктов. Многие успокаивали себя мыслью о том, что здесь находился их дом, их кровати, запасы еды и угля. Многие не без показного героизма говорили о том, что лучше погибнуть в родном городе, чем умереть на обочине дороги от холода и голода. В итоге почти 200 тысяч человек, подлежащих эвакуации, остались в Бреслау. К ним присоединились еще 10 тысяч человек из окрестностей Бреслау и близлежащих сел, которые не успели прорваться на юг или на запад. Они могли найти убежище только в силезской столице. К моменту окружения в Бреслау находилось более 250 тысячи потенциальных беженцев, которые предпочли остаться «дома».

Как за несколько дней полностью поменялся облик Бреслау, рассказывал силезский крестьянин из округа Любен:

«Я вел сельское хозяйство в округе Любен. 17 января я

был должен прибыть в Бреслау на прохождение в Фолькштурме курсов младших командиров. После прибытия мы выяснили, что курсы откладывались на три дня. До 20 января я решил остановиться у своей золовки. 17 января город жил своей жизнью и ничто не говорило о том, что 20 января все в корне поменяется. В тот день мне показалось, что я попал совсем в другой город. Вокзал не вмещал всех людей. Даже железнодорожники призывали расходиться. Поезда ходили, но прибывали они с очень большим запозданием».

Нескольким сестрам милосердия из «Бетанина» в субботу, 20 января, еще удалось попасть после посещения Обернигга¹⁷ – городка в округе Требниц – на северо-восток Бреслау, где их учреждение шефствовало над несколькими домами престарелых и домами семейного отдыха. Сестры милосердия помогли выехать на поезде нескольким пожилым людям. Обратного они уже не смогли вернуться, хотя планировали возвратиться в город на вечернем поезде. Не желая бросать пожилых людей на произвол судьбы, они прошли ночью 26 километров пешком. Старшая дочь священника Эрнста Хорнига (позже этому служителю культа предстоит сыграть в судьбе городе немалую роль) также попыталась скрыться бегством. Снаряженная теплой одеждой и едой, она смогла добраться только до Требница, после чего с

¹⁷ Местечко, которое по-польски называется Оборники.

трудом на последнем поезде вернулась обратно в Бреслау. В своих мемуарах Хорниг с чувством облегчения вспоминал о том, что его жена, ожидавшая седьмого ребенка, смогла покинуть город буквально за день до того, как там начался хаос. Она нашла убежище в Хиршберге. Сам священник помог всей семье (за исключением старшего сына, уже служившего в Вермахте) перебраться туда же, после чего вернулся в Бреслау, так как «не хотел оставлять без присмотра общину Святой Варвары». Но не исключено, что он проявил конформизм, поскольку незадолго до этого руководство Исповедальной Церкви распространило циркуляр, поначалу касавшийся только священников Берлина и Бранденбурга, в котором священнослужителей призывали оставаться в своих общинах даже в условиях приближающегося фронта и не принимать во внимание на угрозу боевых действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.